

нии „Повести“ окажется необъяснимым. В частности, предсказание „смуты“ в Русской земле придется считать не предсказанием *post factum*, что вполне естественно, а своего рода „научным предвидением“, что просто невероятно. Затем лейтмотив „Повести“ — восхваление правления Ивана Грозного — звучит для XVI века по меньшей мере странно, так как в таком случае, по предвидению автора, правление это приведет к смуте и несогласию властей. Наконец, в дальнейшем мы обратим внимание на то, что по своей литературной форме и жанру „Повесть о двух посольствах“ характерна именно для XVII века.

Приведенные соображения дают возможность с большой долей вероятности относить „Повесть о двух посольствах“ к началу XVII века.

* * *

Автор „Повести о двух посольствах“, несомненно, был связан с Посольским приказом. Об этом говорит тема произведения — повесть о посольствах, форма произведения — статейный список, знакомство автора с важнейшими вопросами внешней политики. Автор был знаком с расстановкой политических сил в Европе XVI века, понимал, что противоречия между Россией и Турцией могли сблизить Россию с Габсбургами, понимал и то, какое важное значение имела Ливонская война для всей внешней политики России.

„Повесть о двух посольствах“ отражает не только социальные интересы и литературный вкус той среды, из которой она вышла, она отражает также и профессиональные знания этой среды. Прежде всего это знание посольского дела и посольского делопроизводства. Автор „Повести“ знаком со статейным списком посольства князя З. И. Сугорского и дьяка Андрея Гавриловича Арцыбашева к царю Максимилиану II Габсбургу в Регенсбург¹ и с дневником послов.² Имея много общего со статейным списком, этот дневник более подробно, и в то же время более ярко, с целым рядом бытовых деталей передает события посольства. Дошел до нас и статейный список посольства Андрея Ищенина-Кузминского в Царьград.³

При сопоставлении текстов статейных списков с „Повестью о двух посольствах“ становится ясно, что композиция „Повести“ построена по образцу дипломатических документов. Рассказ о посольстве Сугорского разбит датами так же, как это сделано в статейном списке и дневнике послов. Автор „Повести“ в некоторых местах следовал за содержанием дипломатических документов, переносил его в свое произведение. В переговорах 1576 года между Максимилианом II и послами Ивана IV большое место занимал вопрос о положении в Ливонии. Максимилиан стремился дипломатическим путем добиться прекращения Ливонской войны, так как она затрагивала интересы его вассалов — северогерманских князей. Однако русские послы отвечали Максимилиану по наказу: „Ливонская земля искони вечная отчина наших прародителей, и от наших прародителей отстав, дани нам давать не похотели, и мы их мно-

¹ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. 1. СПб., 1851, столб. 584—718. Статьиный список издан по материалам из Архива Посольского приказа (дела царского двора 1575—1578, № 3; сейчас хранится в ЦГАДА).

² Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Собрание Эрмитажное 98. Дневник этот не издан. Найден он Я. С. Лурье, который предполагает, что Эрмит. 98 не список, а оригинал (Я. С. Лурье. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 году. Истор. зап., М., 1948, № 27, стр. 294, примеч. 15).

³ ЦГАДА, Дела турецкого двора, № 2.